

УДК 81`23

МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ГРАМОТНОСТЬ

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

Обсуждается проблема метаязыкового сознания, позволяющего контролировать правильность языковой манифестации продуктов речемыслительной деятельности и обнаруживать нарушения логики или несоблюдение требований системы, нормы, узуса при восприятии речи.

Ключевые слова: *метаязыковое сознание, система, норма, узус.*

Вводные замечания

Снижение уровня грамотности устной и письменной речи на русском языке широко обсуждается в последние годы. В предлагаемой статье делается попытка акцентировать роль метаязыкового сознания в овладении первым и последующими языками для формирования функциональных опор вербализации замысла высказывания и понимания воспринимаемого сообщения. Для наглядности рассматриваются некоторые примеры задач, которые приходится решать говорящему человеку, претендующему на грамотное пользование языком, а также примеры речевых ошибок, для исправления и предотвращения которых необходима работа метаязыкового сознания.

«УчителЯ» и «учИтели», «корпусА» и «кОрпусы»

Вынесенные в подзаголовок этой части статьи разные формы множественного числа одного и того же слова могут служить примерами разграничения значений слова в обиходе (первый пример) и в научном тексте (второй пример). При этом не исключено, что для носителя языка имеет место разграничение значений до уровня омонимии, т.е. наличие разных форм множественного числа сигнализирует о том, что именуются различающиеся сущности. Так, повсеместно используемая форма *учителЯ* увязывается с теми, кто работает в школе, в то время как довольно редко употребляемая (но ныне возрождаемая в передачах Радио России) форма *учИтели* ориентирует на людей, мнение которых востребовано, весомо и т.д., хотя им вовсе не обязательно иметь профессию учителя.

Приведённый пример зарегистрирован в словарях русского языка. Он важен в том отношении, что в настоящее время нам приходится самим решать, какую форму множественного числа существительного принимать для слов, которые приобретают новые значения, в том числе под воздействием современных информационных технологий. Это, например, происходит со словом *корпус*, входящим в словосочетания типа *Большой корпус*, *Национальный корпус русского языка* и т.п. В публикациях по проблеме корпусов текстов разных языков фигурируют две формы множественного числа: *кОрпусы* и *корпусА*, Которая из них «правильная» и при каких условиях?

Обращение к словарям показывает, что в словаре В.И. Даля формы множественного числа обсуждаемого слова не приведены [4: 169–170]. В словаре С.И. Ожегова [7: 290] для первого значения слова *корпус* – ‘туловище

человека' – предлагается форма *корпусЫ*, а для последующих значений – форма *корпусА* (в том числе для значений: 'остов, оболочка чего-н.', 'отдельное здание в ряду', 'крупное войсковое соединение'). «Орфографический словарь русского языка» [2: 177] разграничивает только два значения: 'туловище' и 'здание' с формами множественного числа с «ы» и «а» соответственно.

В «Словаре ударений для работников радио и телевидения» [9: 201] эти же два значения с теми же формами множественного числа приводятся как принадлежащие разным лексическим единицам, в то время как «Большой орфографический словарь русского языка» [3: 300] без разграничения значений даёт обе формы множественного числа, т.е. обратившийся к этому словарю любознательный читатель должен сам решить, какую форму он выбирает (обе формы представлены как возможные независимо от реализуемого значения).

Выбор из двух возможных вариантов данным случае весьма затруднителен. В большинстве публикаций по проблеме корпусов текстов фигурирует форма *корпусА*, т.е. корпус текстов приравнивается к отдельно стоящему зданию в ряду или к крупному войсковому соединению. Но словосочетание *национальный корпус*, с одной стороны, указывает на некоторый объект в ряду (а именно – национальный корпус какого-то языка, один из имеющихся на данный момент времени), а с другой – именуется целостный объект (своего рода 'туловище'), тогда должна использоваться форма *корпусЫ*, что, по моим представлениям, предпочтительно, поскольку это согласуется с зарегистрированными в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» словосочетаниями: «корпусЫ текстов, фонетические корпусЫ, морфологические корпусЫ, корпусЫ синтагм и т.п.» [1: 90]. Во всех этих случаях для принятия того или иного решения требуется обращение к нашему метаязыковому сознанию.

Что такое «массовЫЕ коммуникацИИ»?

Ещё одна проблема повседневности, вызывающая по меньшей мере недоумение, связана с использованием во множественном числе слова *коммуникация* в словосочетаниях, которые ранее требовали формы единственного числа. Вполне естественно то, что слово *коммуникация* ещё не фигурирует в словаре В.И. Даля. Благодаря поиску на сайте «Словари и энциклопедии на Академике» [10] можно узнать, что это слово было зарегистрировано в словаре издания 1910 года в значении 'сообщение между двумя пунктами водным или сухим путем'; там же имеется информация о том, что в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» появление этого значения рассматриваемого слова увязано с военными действиями: 'связь одного места с другим (первоначально во время войны, военных действий; путь сообщения)'. Мой многолетний опыт носителя русского языка позволяет судить о том, что по мере совершенствования средств сообщения и условий жизни человека под коммуникациями (во мн. ч.) стали понимать железнодорожные пути, водопроводные и канализационные трубы, телефонные линии и т.п. (ср.: *При строительстве дома важно во-время подвести коммуникации, т.е. обеспечить воду и канализацию, электричество и газ*), т.е. обсуждаемое слово увязывалось исключительно с материальными объектами и связями между ними.

Обращение к современным словарям показывает, что наряду с названным выше значением в широкий обиход (сначала научный, а потом и в обы-

денный) постепенно вошло слово *коммуникация*, используемое только в единственном числе как именуемое общее понятие, связанное не с материальными средствами связи, а с речевыми (в устной или письменной форме) действиями по установлению контактов (общения) между людьми. Именно это значение стало фигурировать как основное (или даже единственное) в некоторых новых словарях по той или иной специальности (области науки). Например, «Новейший философский словарь» указывает, что коммуникацией называют «действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие» [6: 297]; «Новейший психологический словарь» приводит две возможные трактовки того же значения слова *коммуникация*: 1) понятие, близкое в понятию общения, но расширенное. Это связь, в ходе которой происходит обмен информацией между системами в живой и неживой природе; 2) К. рассматривается и как смысловой аспект социального взаимодействия [5: 201]. «Психологический энциклопедический словарь» объясняет не связанное с материальными объектами значение того же слова ещё более дифференцированно: 1) процесс передачи информации, её кодирование, дешифровка, особенности восприятия и понимания; 2) обмен информацией любого вида между различными системами связи; 3) акт общения между людьми посредством знаковых систем, смысловой аспект социального взаимодействия [8: 180]. На сегодняшний день в словарях и энциклопедиях, не связанных с той или иной областью науки, приводятся два значения слова *коммуникация*: 1) путь сообщения, связь одного места с другим; 2) общение, передача информации от человека к человеку, специфическая форма взаимодействия людей.

Обратим внимание на то, что в названных источниках слово *коммуникация* в связи с процессом общения между людьми фигурирует только в единственном числе (это же относится и в к словосочетанию *массовая коммуникация* (см. соответствующую статью в [5: 202]). Откуда же взялись формы множественного числа этого слова (в том же значении) в формулировках типа: *Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций* (железнодорожных и водных путей, водопроводных и канализационных труб?) или *Институт* (вариант: *факультет*) *лингвистики* (вариант: *филологии*) и *межкультурных коммуникаций*? Как такое могло получиться? Первую из приведённых формулировок могли предложить чиновники или представители технических специальностей, но во втором случае речь идёт об организациях, в которых работают филологи (скорее всего мнение лингвистов о правомерности таких формулировок никем не запрашивалось). Рассмотрение возможностей использования некоторого слова в форме множественного числа актуально и в связи с тем, что мы слышим по радио, телевидению, встречаем в СМИ. Так, заведующая областной библиотекой сообщает по радио, что «на стенде регулярно размещаются информации о проводимых круглых столах и других мероприятиях». Скорее всего во всех упомянутых случаях отсутствует метаязыковой контроль за правильностью вербальной манифестации замысла высказывания.

«Будучи девочкой, отец уделял мне мало внимания»

Вынесенное в подзаголовок предложение прозвучало в радиопередаче «Когда папа был маленьким». Этот пример отражает всё более проявляющуюся

тенденцию не замечать нарушение логики и абсурдность ситуации, которая возникнет, если мы попытаемся её реконструировать в соответствии со сказанным (ср. «*Сидя на лавочке, ко мне подошла бабушка*», пример из школьного сочинения). Беда в том, что носители языка всё больше привыкают бездумно использовать языковые средства, даже не пытаясь представить себе реальную ситуацию, о которой идёт речь. У «поколения SMS» остаётся недоразвитым воображение, поскольку с раннего детства благодаря телевидению, компьютерным играм и т.п. усваиваются готовые наглядные образы, речевые штампы, популярные словечки и приёмы общения. Более того, уходит из жизни поколение людей, хорошо знавших классическую литературу, в частности – с детства запомнивших бессмертный чеховский образ шляпы, проезжавшей мимо станции. Удручающе снизились требования к уровню грамотности журналистов, которые по радио и телевидению снабжают слушателей и зрителей образцами того, как не следует говорить. Не могу не обратиться к примерам.

Так, ведущий телепрограммы с энтузиазмом сообщает о нововведении в одной из московских школ: «*Придя в школу, электронное устройство фиксирует его приход*». В радиопередачах уже дважды прозвучала легенда о том, как появился цветок (в одном случае – флокс, в другом – тюльпан): «*Уколол палец иголкой, капля крови упала на землю и проросла прекрасным цветком...*». Со слезой в голосе телеведущий вещает: «*Обращаясь к детям Донбасса, голос Кобзона дрожал*». Воистину: плакать или смеяться над такими «перлами»? Особенно удручающим представляется то, что люди привыкают к внешнему контуру такой конструкции, перестают замечать нарушение логики того, что кроется за оформлением речи на поверхностном уровне, т.е. даже не пытаются выходить на уровень смысла.

Небрежность при оформлении своей речи подкрепляется и стимулируется общением с использованием электронных средств связи и раскованностью, доходящей до вседозволенности, при «самовыражении» в социальных сетях, чатах и т.п., в том числе под прикрытием «ник» и «легенд». Это уже вызвало обеспокоенность научной общественности, см. дискуссию, которая проходила на страницах «Литературной газеты» с февраля 2012 года по апрель 2013 года, и продолжение обсуждения этой проблемы в журнале «Вопросы психолингвистики» (2013, № 1, 136–161). Участники этой дискуссии за регистрируемыми на поверхностном уровне изменениями в составе языковых средств увидели глубинные процессы воздействия на человека через его язык и смогли проследить и/или прогнозировать возможные последствия реализации манипулятивной функции языка, в том числе: расшатывание нормы (не только языковой!), насаждение специфичных стереотипов восприятия мира и отношения к нему, утрату традиций внимания к культурной речи, отказ от интеллектуальных усилий, «клиповое» мышление при усечённости средств выражения смысла, утрату любви к своему языку.

Именно отказ от интеллектуальных усилий при продуцировании и понимании речи ведёт к тому, что к кому-то подходят сидящие на лавочке бабушки, но абсурдность подобной ситуации не опознаётся говорящим и нередко не замечается слушающими (это показывает опыт обращения к студентам, обучающимся по разным специальностям, с просьбой определить и исправить ошибки в списке фраз, «ущербных» по тем или иным параметрам).

Функциональные опоры при овладении
и пользовании языком

Интеллектуальные усилия, направленные на решение вопросов относительно правильности / неправильности использования языковых средств, можно квалифицировать как проявления работы метаязыкового сознания. Это именно работа, к тому же целенаправленная работа по формированию функциональных опор как средств контроля за правильностью вербальной манифестации замысла высказывания говорящим и понимания воспринимаемого сообщения слушающим / читающим. Для уточнения сути сказанного представляется полезным указать на следующее.

Во-первых, при овладении языком ребёнок всегда ищет опору сначала в реальной (наличной), а позднее – в воображаемой (конструируемой) ситуации. Иногда это оказывается лёгким делом, иногда – довольно трудным, тем не менее в норме дети успешно справляются с такими задачами. Но даже простейшая ситуация может оказаться неоднозначной. Например, мой внук никак не хотел уходить из гостей, где было очень интересно возить машинки вместе с другими детьми. Уставшая хозяйка дома предложила ему взять любую машинку с собой. «Эту?» спросил он про ту, которую держал в руке. «Можно эту». На следующее утро ребенок проснулся с вопросом: «Где моя *любая* машинка?»: потребовалось создание ситуации выбора из ряда объектов для выяснения значения слова *любая*. Через повторяемость аналогичных ситуаций вырабатывается более или менее обобщённый образ ситуации, с которой увязывается то или иное языковое средство. Каким бы ни был уровень обобщения, формируемая функциональная опора сохраняет свои исходные чувственно-предметные корни, которые могут в какой-то мере проявляться в случае необходимости. Именно это «срабатывает» у тех, кто приучен следить за своей речью и способен мгновенно реагировать на неоднозначность или абсурдность воспринимаемого сообщения из-за допущенных нестыковок.

Во-вторых, имеет место постоянная динамика уровней осознанности действий, которые совершает человек. Продукт метаязыковой деятельности, первоначально выведенный на «табло сознания» (т.е. на уровень актуального сознания, когда мы переживаем как понятное нам соотношение некоторого языкового средства с тем, что с его помощью именуется), постепенно переводится на уровень сознательного контроля (когда мы обращаем внимание на правильность применения или оформления этого языкового средства), далее – на уровне бессознательного контроля (когда мы получаем сигнал относительно необходимости приостановиться и проконтролировать себя) и, в конечном итоге, при полной освоенности, «работает» на неосознаваемом уровне, что обеспечивает возможность фокусирования на смысле высказывания и создаёт видимость слитости языковой формы с её значением (в «окно сознания» попадают только конечные продукты взаимодействия множества процессов, необходимых для манифестации смысла в речи).

В-третьих, понимание механизма становления функциональных опор должно вести к разработке конкретных приёмов стимулирования метаязыковой деятельности обучаемых языку (родному, второму / иностранному), что, в частности, должно также способствовать целенаправленной профессиональ-

ной подготовке преподавательских кадров для средних и высших учебных заведений.

Заключение

Для решения задач повышения уровня грамотности речи на любом языке, в частности, необходимы исследования в области специфики речемыслительного процесса и условий эффективности формирования функциональных опор, обеспечивающих успешность овладения и пользования языком как разделяемым знанием. При этом важно фокусироваться на чувственно-предметных корнях таких опор и на динамике уровней осознаваемости совершаемых действий и операций.

Список литературы

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд. М.: Азбуковник, 2001. 625 с.
2. Бархударов С.Г. и др. Орфографический словарь русского языка. – 9-е изд. М.: Изд-во « Советская Энциклопедия», 1969. 520 с.
3. Большой орфографический словарь русского языка / сост. А.А. Медведева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 928 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956 (1882). Т. III. 555 с.
5. Новейший психологический словарь / под общ. ред. В.В. Шапаря. 2-е изд. Ростов н./Д.,: Феникс, 2006. 808 с.
6. Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 8-е изд. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1970. 900 с.
8. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 560 с.
9. Словарь ударений для работников радио и телевидения / Розенталь Д.Э. (ред.). 6-е изд. М.: Рус. Яз., 1985. 810 с.
10. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/543/%D0%9A%D0%9E%D0%9C%D0%9C%D0%A3%D0%9D%D0%98%D0%9A%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 12.03.2015).

METALINGUISTIC AWARENESS AND LITERACY

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

Various examples of speech errors are discussed for demonstrating the role of metalinguistic awareness in speech production and in text comprehension.

Keywords: *metalinguistic awareness, system, norm, usage.*

Об авторе

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

